

Понятие благочестия и его воплощение в произведениях Германа Гессе (на материале «Сиддхартхи»)

Лебедева Юлия Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Из биографических источников известно, что примером неподдельного благочестия и самозабвенного служения Богу для Германа Гессе были его родители – убежденные пиетисты и миссионеры, служившие в Индии. Однако писатель не отождествлял благочестие («Froemigkeit») или, как он иногда пишет, «Pietät») с пиетизмом, для него оно было особым состоянием духа, ступенью внутреннего развития, доступной и приверженцам других религий. По Гессе, благочестие относится к миру духовного, логически не познаваемого *переживания*. Только на основе личного (эмоционального, чувственного) опыта для Гессе возможно постижение истины во всей ее полноте. Мудрость не поддается определению, поскольку является не чем-то статичным, а «пульсирующим» взаимодействием противоположностей. Поэтому не удивительно, что благочестие и благоговение («Ehrfurcht») у Гессе в равной мере доступны и монаху, и прожигателю жизни.

В письме Эрнсту Каплеру (около 1933 г.) Гессе описывает свое понимание благочестия не как «пестование праздничных чувств в одной конкретной душе, а прежде всего <как> почтение, уважение каждым Мирового целого, природы, ближнего, чувство вовлеченности и ответственности наравне со всеми» [Hesse: 380]. Таким образом, в своем понимании понятия благочестия Гессе не пользуется богословским словарем: благочестивым можно быть не перед лицом Бога (пусть и не христианского, а условно-обобщенного), а перед лицом некоего Мирового целого. Такой ориентир определяет путь, который проходят герои Гессе. Цель пути – не самоопределение в мире, а достижение гармонии противоположностей, что, по Гессе, – основное качество Божественной основы мира, Мирового целого. Особую важность этот путь «вочеловечивания» («Menschwerdung»), как показал Р. Каралашвили, приобретает оттого, что восстановление гармонии в мире самым зависит от достижения гармонии внутренней [Каралашвили]. К мысли о принципиальной соотнесенности внутреннего внешнему Гессе, по мнению исследователя, мог прийти через изучение философских воззрений Древнего Китая и занятие психоанализом (точнее аналитической психологией К.Г. Юнга).

Цель столь сложного пути становления у Гессе олицетворяет фигура святого, достигшего предельной гармонии и пребывающего на высшей ступени человеческого совершенства. Таков Будда в «Сиддхартхе», Бессмертные в «Степном волке», Магистр музыки в «Игре в бисер». Они не предостоят перед Мировым целым в священном трепете, а пребывают в мистическом единстве с ним. Благочестие же остается добродетелью человека, «лучшей из тех, что нам доступна» [Hesse: 380]. Это не значит, что для Гессе достигший святости теряет благочестие. Так, Сиддхартха, достигнув святости после того, как «его я растворилось в единстве», не перестает находить «удивительным и достойным преклонения» соединения в простом камне всего сущего. Ведь и он сам стал олицетворением подобного единства, что и видит Говинда, вглядываясь в лицо друга в конце повести.

Истинное благочестие не раз становилось предметом изображения в произведениях Гессе. Примером может служить фигура отца Сиддхартхи. В произведении о нем сказано очень мало, но этого достаточно, чтобы вырисовался образ ученого брахмана, верующего в вечное начало (брахман) и честно исполняющего свой долг, мудрого человека, способного отпустить сына, поняв, что «Сиддхартхи больше нет с ним, нет на родине, что сын уже покинул его». В этом отцовском самоотречении видится как раз то уважение к ближнему и законам Мирового целого, о которых говорил Гессе, определяя понятие благочестия.

Примечательно, что благочестием писатель наделяет и столь отличных от старого брахмана монаха Говинду и куртизанку Камалу. Они принадлежат чуждым друг другу, если не диаметрально противоположным мирам, но при этом олицетворяют определенный этап пути главного героя к просветлению. Кроме того, они сами взыскуют просветления. Поэтому и Говинда, и Камала родственны Сиддхартхе. Их тоска – это недоступная людям-детям тоска по Мировому целому. Именно поэтому они в благочестивом восторге преклоняются перед Готамой, Совершенным. Но, в отличие от Сиддхартхи, который ушел от Возвышенного, Говинда остается среди учеников Готамы, живет «по правилам» и заслуживает уважение монахов, не прекращая при этом напряженно искать истину. Стремление к высшему знанию заставляет его отправиться к перевозчику, слывшему святым. Так же и Камала, прекрасная куртизанка с умными глазами, оставляет свой дом и идет к Готаме в надежде «увидеть лицо Совершенного и дышать его покоем». В конечном счете оба приходят к Сиддхартхе, и его лицо, его улыбка Совершенного дают им ощущение мира и покоя. Сердце Говинды пронизывает ощущение «самой глубокой любви и самого смиренного почтения», и он склоняется перед другом. Достичь просветления самостоятельно ни Говинда, ни Камала не смогли, поскольку были не в силах подняться от ученичества к собственному неповторимому опыту. Однако оба, по Гессе, наделены истинным достоинством, основанном на их стремлении к высшему и их благочестии.

Литература

Hesse H. Gesammelte Briefe in 3 Bd. Frankfurt am Main, 1990.

Каралашвили Р.Г. Мир романа Германа Гессе. Тбилиси, 1984.